

Слёзы Турана -8: Два голубых мотылька

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -8: Два голубых мотылька ДВА ГОЛУБЫХ МОТЫЛЬКА

«Когда я покидал его (Мерв), было в нем 10 книгохранилищ, таких, что я не видел на свете подобных им по обилию и превосходству хранящихся в них книг».

Из книги путешественника Якута

В полдень, совершив молитву, Санджар накинул легкий, без рукавов халат и по узкой, извилистой каменистой лестнице прошел в книгохранилище. Приподнятое настроение не покидало его с утра, с той минуты, как представили нового сборщика налогов, красавца Каймаза. Этот расторопный молодой человек был родственником Кумача. Тревожило лишь одно: слишком хорошо знал атабек слабости своего султана, если сумел так сразу угодить, подобрав нового сборщика налогов. А Каймаз был поистине красивым, статным, и как видно, редкой храбрости человеком. С думой о хитром Кумаче султан Санджар толкнул ногой дверь из тяжелых досок тутовника. Грозный повелитель любил этот уголок дворца. Здесь было всегда тихо, лишь тонко похрустывали горящие свечи, языки светильников вели непонятный разговор... Длинные ряды книг великих философов и мыслителей, поэтов и медиков успокаивали душу и сердце, давали возможность отвлечься от суетных дел и дум. В святилище книг можно было открыться душой, снять со своих сокровенных мыслей тяжелые латы и довериться мудрым друзьям-книгам, которые всегда готовы помочь тебе своими знаниями и советами. Они никогда не выдадут замыслов, никогда не направят в твое сердце кинжал. Помогут они и тогда, когда брат или другой родственник задумают черное дело...

Отсюда Султан открыл дверь в высокое глинобитное помещение, украшенное стеной росписью: два клыкастых тигра бросались на

ревущего слона. Хищники готовы были разорвать великана на части, но сильное животное продолжало шагать. Охотники запускали в зверей стрелы и готовились к схватке. Глядя на эту картину, Санджар остановился, прищурился. От ковровых узоров пахло чем-то родным, далеким и полузабытым. Султан приблизил и нагнул веточку миндаля, понюхал. По суровому лицу, побитому оспой, скользнула тень улыбки. Яркое солнце, гроздь винограда, зеленеющий ячмень у фонтана и журчанье воды в арыке тронули душу закаленного воина. Он потер лоб и оглянулся: не хотелось, чтобы заметил кто-нибудь его минутную слабость. Посмотрев в окно, он направился в хранилище книг.

Библиотека в царском дворце была богатой и роскошной. Далеко за пределами государства сельджуков знали о книгохранилищах Мерва. О них говорили по всему миру. Здесь на полках и в сундуках лежали редчайшие индийские, китайские, вавилонские, египетские, греческие и римские книги... Эти книги султану читали другие, сам он редко брал их в руки.

Неторопливо Санджар прошел в одну из средних комнат и тяжело опустился в кресло, отделанное рыбьим зубом. Худенький, бледнолицый человек – хранитель библиотеки, с поклоном пододвинул бухарский сундук, в котором стояли книги в толстых кожаных переплетах, украшенных светлыми индийскими красками. В сундуке, обитом кружевной медью и серебром, хранились творения Авиценны, Марцелина, Стробона, Ксенофонта...

Но мудрый имам потрогал не эти рукописи, он осторожно достал книгу, лежавшую на самом дне сундука, стер пыль с обложки, на которой были изображены высокое развесистое дерево, светлый родничок и большие белые цветы.

– Это о хазарах. Ибн-Рустем «Книга драгоценных сокровищ», – тихо прошептали губы старца. Седобородый библиотекарь опустился на колени и мягким голосом еще раз нарушил тишину хранилища: – О, единственный и благочестивый, речь человека, почти погребенного в тот мир, где воля аллаха – единственный закон, речь моя неуместна оскорбительна для твоего слуха. Старость, как змея скручивает мои руки и ноги.

И в это время из дальней комнаты донесся мягкий, певучий голос. Аджап не видела, как в хранилище вошел Санджар и

продолжала нараспев читать:

– В миг, когда твоя душа ищет покоя, я хочу порадовать твое сердце сиянием жемчужины, которую создал великий познаватель вселенной, участник посольства арабского халифа к царю камских болгар...

Лицо султана замерло. А девичий голос все плыл и плыл в прохладной темноте, освобождая тело от напряжения. Санджар сел и откинулся на спинку кресла, закрывая глаза

– Прикажи принести щербета, – шепнул султан хранителю книг.

А когда старик вернулся с фруктовой водой, султан уже беседовал с Аджап.

– Сегодня иная мысль беспокоит мою душу, – говорил султан Санджар. – Ты хочешь развлечь меня сладкими газелями, зажигающими в груди жадный огонь, погасить который могут лишь гурии моего гарема?.. Но сегодня я пришел сюда для того, чтобы посоветоваться с мудрыми и великими: с теми, кто много лет жизни провел в дальних походах и хорошо знает законы войны. Им судьба не раз вверяла в руки острые мечи и украшала голову венком победителя, – султан замолчал, побитое оспой лицо стало суровым и даже жестоким.

– Всесильный! – обратился старик, падая на колени. – В твоих словах я уловил недоверие к моей дочери, которая ездила в Самарканд посмотреть красоту города и познакомиться с книгами великих мыслителей.

– Она была в Самарканде? – повелитель повернулся и глаза его встретились с глазами Аджап. – Это о ней мне докладывал начальник дворцовой стражи? Значит, это ты хорошо играешь и поешь гозели? А ты была в гареме в день приезда артистов?

Хранитель книг поспешно ответил:

– О величайший, моя дочь ехала в то время из Самарканда в Мерв.

– Понимаю. Скажи-ка, красавица, не заметила ли ты что-нибудь любопытное в городе?

– О, я видела и слышала очень важное. Молодой джигит, имя которого Ягмур, торопился сообщить о возмутителях спокойствия!..

И опять в разговор вмешался старец.

– Повелитель, моя недостойная дочь горит желанием поспеть в стихах твои великие и славные походы.

А султан продолжал разговор, не слушая старца:

– Назвав имя джигита, ты напомнила мне о Балхе, куда воин в барсовой шкуре послан как гонец. Помню, он отличился однажды на охоте и завоевал расположение во дворце.

Глаза Аджап заиграли: два голубых мотылька взмахнули черными крыльями ресниц. В душе султана что-то дрогнуло, заставляя владыку удивляться этим мотылькам в полутемном хранилище книг. Он помолчал и с пылом, нетерпеливо заговорил:

– Поход на Самарканд омрачил мое пребывание на земле. Я вижу, как ненасытная жажда наживы толкает атабека Кумача к трону. Эти страсти и злые умыслы заставляют Кумача хитрить, лукавить и убеждать меня в необходимости воевать. Большой управитель этого города просил меня помочь ему сохранить жизнь. Презренный люд восстал против шаха. Невиданное дело! Слава Аллаху, славный джигит вовремя известил нас. Надо помочь шаху. Мы, сильные властью, дарованной аллахом, должны помогать друг другу. Все это так, но лукавые змеи гложут мое сердце. Богатство Самарканда не дает злодеям покоя. Они вынашивают замыслы поживиться богатствами Самарканда. Видит аллах, что чувство власти не обошло и мою душу. Мы хотели честно помочь рабу моего отца, который сегодня возглавляет Самарканд, но нам придется воспользоваться его болезнью, чтобы частично подкормить голодных шакалов. Ибо еще мудрый Мелик-шах учил, что лучше войско содержать за счет набегов и грабежа, чем с помощью налогов селян и ремесленников. Султан Санджар подошел к старцу.

– А как ты думаешь, хранитель книг – моих верных друзей и помощников?

Библиотекарь поправил белую бороду и поднял руки к небу.

– Пути Аллаха никто не может предугадать. И в каждом своем решении он волен только один. А славным продолжателем дел его на земле – ты, султан, краса и гордость вселенной!

– Вижу, что ты боишься меня, старик... Боятся многие. А было сказано: бойся того, кто тебя боится... Вернемся к нашим друзьям, которые своим молчанием в сто раз больше говорят

правды, чем крикуны, приближенные к трону.

Старик обиженно нахмурил брови и вытянул сухую шею.

Санджар снова сел, удобно разместился в кресле, обитом кожей, и глаза его любовались игрой глаз Аджап – полетом голубых мотыльков. Негодование, вызванное трусостью хранителя книг, утихло. Султан отхлебнул прохладного, кисловатого и острого шербета. Два голубых мотылька не давали покоя...

Все, сказанное мной, не признак трусости. Это голос старческого опыта и разума, – отозвался хранитель книг. – Ты обвинил меня в трусости. Так слушай же, что я тебе скажу, мой повелитель! Ты в одном прав: человек человеку – волк. Хотя лучше сказать: волк волку – человек. Ты говоришь о своей власти, о своем могуществе и забываешь, что можешь оказаться песчинкой в пустыне. Прислушайся, владыка!.. Твои преданные друзья молчат в этом огромном книгохранилище. Но ты должен уметь слушать их. Загляни глубже им в душу, и ты увидишь, как многие великие и властные становились ничтожеством, не умев полностью оценить окружающего. Вспомни Цезаря, вспомни Ганнибала, вспомни Искандера-двурогого!.. Разве они побеждали лишь потому, что подчинялись жадным шакалам, набивающим свое брюхо драгоценностями? Нет. Они умели и знали, как оценить сложившуюся обстановку и принять самое умное решение. Сегодня ты хочешь направить всю свою армию к самому больному месту государства... Но если вытечет кровь из тела, разве не бледнеет лицо, не становятся слабее руки, не дрожат ноги?! Ты должен все предусмотреть, мудрый султан! Потому-то я и хочу прочитать тебе сейчас о тех людях, которые живут в стране, где заходит солнце о людях, которые живут за городами дальних булгар. Хочешь слушать?..

– Хорошо. Прочти мне о том, что рассказывает Ибн-Фадлан о богатствах и храбрости северных народов.

Старик привстал, открыл заложенную страничку книги и, тихо шевеля побелевшими от волнения губами, принялся читать:

– В их лесах много Меду, в жилищах водят пчел, которые они (жители) знают и отправляются для сбора этого. А иногда нападают на них люди из числа их врагов, так они убивают их. У них много купцов, которые отправляются в землю турок, причем

привозят овец, привозят соболей и черных лисиц.

Султан протянул руку к книге.

– Я должен хорошо знать своих соседей. Дабы никто не знает, куда укажет мне повелитель своим жезлом. Может быть, путь моего коня лежит через эти страны. Вечная честь и хвала Искандеру-двурогому, который прославился великими походами!

– Слава и нашему владыке, единственному и непобедимому, сыну блистательного Мелик-шаха! Да пронзит меч исмаилитов сердца неверных! – тихо подхватил старик, опускаясь на колени.

– Читай. И пусть твои уста радуют нас рассказами о ратных делах моих северных соседей. Смогу ли я, уходя с войском на юг, быть уверенным, что с севера копье не пронзит нашу спину? Старик привстал, положил книгу на сундук, и сгорбив костлявую, узкую спину, тихо продолжал:

– Султан, сегодня голос мой не принесет тебе улады. Пусть твой слух ласкает дочь моя. Она будет читать!

Это была дерзость. Но Санджар простил ее, глядя, как радостно загорелись глаза девушки, Аджап с трепетом взяла в руки книгу и голос ее сладко потревожил прохладную тишину хранилища. Она читала негромко и неторопливо:

– Я видел русцев, когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль, и я не видел людей более стройных, чем эти, как будто они пальмовые деревья; они рыжи, не надевают курток, ни кафтанов, но у них мужчины одевают покрывало и плащ. Султан беспокойно завожился:

– Что пишет Ибн-Фадлен о войске и оружии неверных?

Аджап нашла нужную страницу и продолжила:

– Вот... Каждый из них имеет при себе неразлучно меч, нож, секиру; мечи же их суть широкие, волнообразные, клинки франкской работы. Во время прибытия их судов к якорному месту, каждый из них выходит, имея с собой хлеб, мясо, муку, лук и горячий напиток (мед или пиво)...

Санжар встал, прошелся по мягкому ковру и долго смотрел в сад, где воины упражнялись в сабельных приемах.

– В Хорезме я видел пленных урусов. Они хорошо куют железо. Посол арабского правителя прав, неверные могут хорошо работать, но у всех рабов одна участь. По их спинам и для их

же пользы должен пройтись плетью и я! – султан пристукнул тяжелым сапогом и покосился в угол, в котором стояли бухарские сундуки с книгами. – Франкские мечи хороши только в пешем строю, на коне рубить врага двумя руками трудно. Конных надо поражать длинными стрелами, как это делал гроза вселенной Мелик-шах, – тяжелые, густые брови султана сошлись у переносицы и рябое лицо замерло. – Посмотри в книгу великих походов Искандера-двурогого! Что там сказано о питании войск во время больших переходов? Только ли румийцы питались пшеницей, прожаренной в котлах с маслом?

– Урусы могут быть не только плохими соседями. Они могут быть и хорошими друзьями. Вспомни, величайший, как они были благодарны огузам, помогавшим им в войне с булгарами!.. Они стойкие воины. Вспомни, как они повесили щиты на воротах Царьграда!.. И разве не зеленоглазые хотели принять веру ислама, когда хан Владимир решил отказаться от своего аллаха? – Неожиданно сказала девушка, удивив султана своими познаниями и смелостью мышления.

Санджар повернулся, чтобы одним... единственным взглядом уничтожить возразившую, но, увидев игру голубых мотыльков, храбро встретивших его взгляд, тут же смягчился, не скрывая восхищения познаниями Аджап.

Воспользовавшись замешательством султана, девушка продолжила:

– Это они прислали послов изучать ислам. Но румийцы перехватили его желание, настроив в Киеве своих мечетей.

– Остановись, Аджап! – готовя ловушку, сказал Санджар. – Только что твой отец говорил, что волк волку – человек. В этой головоломке есть мудрость, и ты, видимо, постиг ее, хранитель моих книг, – крепкие руки султана схватили подлокотники кресла так, что дерево застонало. – Среди мудрецов многие учат именно тому, что проповедуешь и ты, не замечая рождения новых явлений и взаимоотношений, перед которыми все прошедшее блекнет! Разве в прекрасном Риме не было смерти? Разве в далеком Вавилоне, родившем новую культуру, не уничтожались люди во имя славы одного человека? А все прекрасное в Египте не сделано ли руками рабов? Ты хотел упрекнуть... Но разве я виноват в том, что жизнь на земле устроена так замысловато. Вчера я принял

мастера, предложившего мне новую дальнобойную осадочную машину. Это смелая и дельная мысль лучших ремесленников. Дерзкая, далеко идущая мысль. Теперь скажи: почему именно сейчас рождаются такие смелые мысли об осадочных машинах и в то же время почти не развивается земледелие? Не ты ли, старик, сам читал о древних сеятелях Египта, живших четыре тысячи лет тому назад? Они, как и мы сегодня, бросали зерно в землю и благодарная мать-земля помогала им получать хлеб. Так не это ли завешание аллаха повелевает нам быть больше воинами, чем хлебопашцами. А значит – нам велено стремиться к великим почестям и славе! Кто знает, возможно это мой долг быть властелином всего мира.

Аджап помолчала, перелистывая книгу, а потом голосом, напоминающим звон китайского фарфора, вновь заполнила просторное хранилище.

В мудром писании начальника почт Багдадского халифа, – читала она, – в «Книге путей и государств» говорится: «...что же касается купцов русских, – они же суть племя из славян, – они вывозят меха выдр, меха черных лисиц и мечи из дальнейших конов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину. А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии, проходят по заливу хазарской столицы, где властелин не берет с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджана и выходят на любой их берег; иногда они привозят свои товары на верблюдах в Багдад...»

В сад закрадывалась ночь. Жара уступала прохладе, глохли дневные звуки. Над Мервом зажигались крупные, сочные звезды. Затихли базары, смолкли улицы. Ветром ко дворцу тянуло дым от очагов и тамдыров. На крепостных стенах дворца менялась стража. А в это время в библиотеку внесли большой светильник и вставили его в проем, сделанный в стене. Из дальнего угла двора, от водоема донесся лай волкодавов, охраняющих сад. Свирепый, настороженный лай, И Санджар как бы вдруг очнулся. Умные, строгие глаза с затаенной внимательностью вглядывались в Аджап. Он встал. Прошелся по комнате и долго раскуривал чилим.

– Румский хан был глуп и труслив, как шакал. Вместо своих

мехов и выдр они привезли ему позор, который никогда не стереть с Константинополя. Разве потом не они повесили на воротах Константинополя свой щит?! Разве не римские стратеги говорят, что главное против хитрости славян – конница и легковооруженная пехота, большое количество стрел и копий? – султан глубоко затянулся дымом. – Вот что надо было готовить византийскому императору против неверных с севера. А не покупать у них меха, обогащая своих же врагов... У нас дела лучше, мы имеем отличную конницу. Мои славные огузы могут догнать и разбить любого врага. Да накажет аллах меня, если не я помог иноверцам повесить щит на воротах славного Мерва!

От фонтана потянуло прохладой. Политые заботливой рукой садовника розы под окном заполнили комнату тонким ароматом. На женской половине дворца заиграла флейта и нежные, детские голоса затянули протяжную песню.

За пышными шелковицами не видно было ворот гарема, но слышался настойчивый стук молоточка у ворот. Из окна можно было заметить, как кравчий Анвар, стоя на стене возле каменной башни с глазницами, задумчиво слушал песню с детским напевом. Был поблизости и безбородый садовник – кара-китан. Поджав под себя перерубленную ступню, он замер, прислушиваясь к упоительному пению из-за высокого забора. И только сердце Санджара не тронули нежные напевы. Властитель хмуро смотрел в черное отверстие окна и думал о своем: «Вчера решено снова идти на Самарканд, в котором когда-то он видел свою поддержку. Но кто твердо скажет, что завтра ему не ударят в спину из Балха, Герата или Нишапура?... Злоба на него бушует во всех эмиратах. Искры гнева часто долетают до дворца. Что делать? Надо найти силы, собраться и ударить с полной мощью, снова доказать всем, что он еще владыка, что его властная рука может покарать даже таких близких ему, как правитель Кумач!... А тут эта дерзкая девчонка, которой он боится смотреть в глаза, – так они чисты, отзывчивы и преданны. Интересно, почему она ничего не ответила на слова о румийцах? Ах, если бы не эти два голубых мотылька! Нет, пусть она не считает, что молчанием она одержала победу. Мы сумеем ответить на это».

– Эй, кто там есть!... – неожиданно позвал он.

– Передайте начальнику охраны, чтобы он наказал этого стражника у каменной башни! Воин должен нести службу, а не развешивать уши и слушать песни красоток... А садовника загнать в конюшню, чтоб не заглядывался на гарем. Откусивший яблоко, познав его сладость, захочет съесть весь плод.

Слуги выбежали из библиотеки и за ее окнами раздался жалобный крик Анвара. Тугая плеть стражников уже гуляла по его ребристой спине.

Старик-библиотекарь вытер слезу на покрасневших глазах.

– Повелитель, жизнь старается продлить жизнь, и этого никто не в силах остановить, – заговорил хранитель книг.

– Я знаю, цветы становятся красивыми не для того, чтобы их нюхали. Цвет нужен, чтобы его увидела издалека пчела и опылила. Я не хочу нарушать законы, данные аллахом. Но если пчела нарушает законы, которые утвердили мои пророки, я буду жестоко расправляться с каждым, кто оскорбит их святую память.

– Мы много говорим о любви, иногда играя этим словом и забывая о истинной сути. Основа жизни – сохранение бытия. И какими бы способами общество ни пыталось изменять эти законы, жизнь во власти этих законов. Ты можешь уничтожить садовника. Но ты бессилён заставить его относиться к прекрасному не так, как подсказал ему при рождении аллах. Не лучше ли решить законы о семье и браке в других формах?..

– Я могу приспособиться, но приспособится ли твой скотский закон? Если даже такие высокие заборы, как в моем гареме не удерживают женщину от греха, то удержит ли ее философия выжившего из ума старика?.. Все, что хочет быть греховным, должно быть уничтожено или запугано до такого состояния, чтобы при малейшей мысли о грехе его бросало в дрожь. Семья мусульманина должна быть крепкой. Ибо на нее опирается всеми своими устоями мое государство. Садовнику делают внушение не потому, что его поступок – смертельная вина. Нет, пусть это наказание другим будет в назидание. Законы мусульманской семьи прежде всего должны строго соблюдаться во дворце правителя государства, – Санджар видел, как обеспокоенно забегали глаза девушки, заиграли голубые мотыльки на белом лице, рождая жемчужины слез. Нет, жизнь еще подчиняется ему, у него есть

сила и власть. У двери султан остановился.

– Хранитель, пусть твоя дочь останется при моем гареме!..

Старик упал на колени и пополз к ногам султана, целуя ковер.

Аджап застыла у кресла и не потому, что гордость не позволяла упасть на колени перед повелителем вселенной, нет. Предчувствие тяжелого горя сковало все ее тело.

– Ягмур! – тихо и жалобно как бы на помощь позвала девушка.

Санджар обернулся и пристально посмотрел на Аджап.

* * *

...А где же в это время был Ягмур? В Балхе. Рядом с огузом Чепни и его другом Джавалдуром, стариком-крепышом, большим любителем коней. Предводитель одного из родов огузов Джавалдур отличался силой, скромным одеянием и резкими жестами воина.

Друзья разместились на берегу канала, под тенью фисташковых деревьев. Разложив еду, они беседовали, вспоминая ночь в караван-сараях.

– Моли у неба, сын земли,
чтоб дни твои помедленней текли.

За караваном не тащись в пыли, живи,
чтоб стать достойным восхваленья –

горячо воскликнул Ягмур.

– Я вижу, что мой совет не пропал даром.

– Велик аллах на небе. Щит, подаренный в ночь, когда наши плети выписывали на спине хозяина караван-сарая строчки Закона, хранит меня от злых умыслов слуги черного ангела... Вовремя ли твой конь ступил на землю родного стойбища?

– Напрасно я спешил. Кумач опять обхитрил огузов.

– По всему видно, что судьба еще столкнет нас с этим шакалом, – отозвался Джавалдур.

– Пока нас не было, через своих людей, он подбил стойбища на возмущение, тем самым вызвав гнев султана. Пусть плеть справедливости пройдет по его задку... Теперь султан еще больше насторожен, он подозрительно относится к огузам. У Кумача был

горбун. Верные мне люди передали, что он привез вести из Самарканда. А как там хозяин караван-сарая?

– При въезде в город в то утро, слуга пустил в меня копье. Пролетело мимо.

– Будь осторожен, Ягмур.

– В то же утро Абу-Муслим привел меня в дом своего друга, который представил меня во дворец. Там я рассказал о своих новостях. Глаза султана помрачнели, узнав о замыслах Самарканда... Я таким образом стал кравчим. Но лучше бы небо не посылало мне эту счастливую случайность. Радость мою омрачило подозрение. Коснувшись глаза, я, кажется, выколол его!..

– Судя по шкуре, украшающей плечи джигита, – перебил Джавалдур, – можно ли думать, что ему тесно в стае орлов султана!..

– А где красавец жеребец, дарованный джигиту счастливой случайностью? – спросил Чепни, блещущий здоровьем и силой.

– В ту ночь мне показалось, доблестный Чепни, что тобой руководит обида, когда ты мне сказал: во дворце тощий пес лижет зад толстому. И судьба наказала меня... Вместе со своим жеребцом-красавцем я потерял нечто большее, чем нашел.

...Спустя некоторое время, после зачисления Ягмура на службу к султану, отряд джигитов загнал в одно из ущелий Копет-Дага косяк диких лошадей. В Мерв был послан Ягмур, известить о радостном событии.

Происшествия последних дней настолько утомили Санджара, что весть об охоте он встретил с радостью и не откладывая, приказал визирю собирать ватагу в дорогу. Накормив из собственных рук кишмишом ретивого до бешенства вороного, Санджар легким движением бросил тело в седло, давая свободный повод застоявшемуся жеребцу. Как пчелы матку обступили нукеры своего предводителя. Начался буйный и веселый марш. На третий день пути отряд достиг долины между скалистыми отрогами Копет-Дага. У той площадки, где разбивали лагерь, Санджар натянул узду и конь, приседая на задние ноги, заплясал под сильной рукой. Неподалеку, на пологом склоне холма, сидел орел, взмахивая громадными крыльями. Царственная птица хотела оторваться от земли, рвала воздух крыльями, но никак не могла

ринуться в ветровую синь неба. Санджар пришпорил коня и тот, пританцовывая, боком двинулся к орлу. Птица-великан смотрела на людей, грозно насупившись. Вот она напрягла ноги, рванула воздух крыльями, стараясь взлететь, но снова осталась на земле. И только тут Санджар заметил, что ноги царь-птицы были накрепко захлестнуты толстой змеей. Большая часть тела огромной гадюки находилась в суслиной норе.

Орел рванулся из последних сил, но тугие кольца змеи еще крепче сдавили когтистые, будто стальные ноги.

Султан пришпорил коня. Ударив крыльями, орел грозно заклокотал и ударил тяжелым клювом в змеиный клубок. Кольца зашевелились. Орел еще сильнее ударил по живым путам. Грозный великан рубил стальным клювом, как богатырь топором в боевой схватке. А толстое, страшное тело змеи все глубже втягивало ноги орла в нору. Стальной клюв птицы рубил все быстрее смертоносные путы. И вдруг орел остановился, что-то почувствовал. Потом, радостно огласив раздолье боевым клекотом, сделал последний, самый страшный и уничтожающий удар. Змея расслабила кольца.

Орел двумя взмахами крыльев далеко отбросил свое тело от места схватки, сдавливая когтями тяжелые путы. Змея пыталась приподнять голову, чтобы укусить степного великана, но сильная и гордая птица встретила ее таким ударом, от которого тугие кольца серой гадюки сразу же безжизненно обвисли на ногах орла.

Ягмур натянул тетиву, но грозный взгляд султана остановил воина. Санджар приказал притащить змею, которая лежала на склоне холма... Изодранную в клочья, с переломанным хребтом, Ягмур положил змею у ног жеребца Санджара. Гадюка еще пыталась поднять голову, широко открывая рот. Метким ударом дротика султан пригвоздил голову гадины к земле.

Не слезая с коня, Ягмур вспорол живот змеи. На песок вывалилась змея поменьше. А в ее животе нашли мышонка... Санджар приказал позвать толкователей снов и примет.

— Пусть расскажут о предзнаменовании, которым наградил нас Аллах!..

Два старика с холеными бородами, в красивых халатах подъехали к султану, прижав руки к сердцу, к губам и ко лбу.

– Что все это значит? О чем аллах предупреждает нас?

Старший толкователь снова несколько раз перевернул мышью острием копья, заставил разрезать змею поперек, присыпал рану белым порошком.

– Уничтожающий беззащитного погибнет так же, – начал старший предсказатель снов. – Но всякого, кто посягнет на доблесть высокой царственной особы, как бы он ни был силен и ядовит, сдохнет, как эта гадюка! Недруг будет растоптан, уничтожен нашим всесильным и справедливым, слава которого, подобно орлу, вознеслась над народами! – закончил прорицатель и толкователь снов.

– Жизнь продолжается за счет жизни, таково предрасположение звезд, – продолжил второй придворный мудрец. – Слабый попадает в утробу сильного. И только сильному дано парить над миром в гордом и величавом одиночестве!.. И если тигр терзает лань, а лань рвет траву, то все это происходит по воле аллаха.

«Они говорят языком Кумача, – подумал Санджар. – Надо после охоты приказать выгнать этих мудрецов. Помнится– молодой астролог и звездочет уже направил коня истины по нужной тропе предсказаний... Хотят войны с Самаркандом Жажда наживы разрывает их груди».

– Парящий в небе должен помнить, – добавил султан вслух, – что на земле ползают ядовитые змеи!.. – он хлестнул жеребца плетью, расправляя плечи навстречу секущему ветру.

Над косогором искрилось солнце, за широким арыком, в зарослях камыша слышалась зовущая переключка фазанов и уток.

«Эмиры и ханы стараются проглотить друг друга, как эти гадюки, – подумалось султану. – А став сильными, по-змеиному опутать ножки трона... страшное видение коварства и алчности! Вчера верный слуга и наушник-горбун донес, что Эмир Кумач в сражении с соседом эмиром Зенги, разбил ненавистного соперника и его мясом... накормил его же сына... Гадко и страшно. Змея проглотила змею... Почему же я терплю Кумача-змею, которая все крепче опутывает мои ноги? Может быть, потому, что в любую минуту я сломаю хребет этому степному удаву, который может возмутителей покоя держать в крепкой узде?.. Надо приказать горбуну, чтобы не спускал глаз с атабека...»

Приближались самые громоздкие и заросшие арчой горы. Султан подивился их мощи, величию и великолепию. Спокойные, могучие, они только проснулись, а ущелья уже оглашались звериным рыканьем, щебетом и воем...

Охота складывалась удачно. Кравчие приторочили уже к медным кольцам седел много курочек, уток, стрепетов... жирные птицы свисали вниз головами. На отдельных лошадях везли крупных, винторогих архаров. Но главное было впереди. Косяк диких лошадей, загнанных в ущелье, ждал своей очереди.

Лагерь охотников султана готовился к утреннему намазу, когда на взгорье показался Ягмур, торопивший взмыленного скакуна.

Его заметили, насторожились. Осадив жеребца у дерева со знаменем султана, Ягмур припал к ногам главного визиря и сообщил, что возле зарослей арчи, высоко в горах, воины обнаружили следы барса.

Услышав такую весть, султан проворно отбросил полог шатра. Перешагнув через гору фазанов и уток, он прыгнул в седло, приказывая охране прихватить старенькую вьючную лошадь. Сильный, порывистый и красивый в минуту азарта, султан Санджар пустил жеребца по дороге к ущелью, взбадривая его золотыми шпорами.

Держась поближе к султану, Ягмур любовался его осанкой и гордым видом. Что бы ни говорили друзья, а он выбрал правильный путь — всем сердцем служить сильному и справедливому властелину.

— О-гей! — как бы подхватывая звон копыт, закричал Ягмур, заражаясь азартом охоты. — Хей!..

Загонщики настигали шумную кавалькаду.

— Эг-гей, вперед! — покрикивал Санджар молодому воину, давая волю своему скакуну.

В ущелье, в русле пересохшего ручья, виднелись свежие следы барса. Возле валуна была примята трава, виднелись клочья рыжей шерсти.

— Привязать вьючную клячу к дереву!.. Всем заходить с подветренной стороны! — приказал Санджар.

Самые ловкие, меткие и опытные охотники скрылись в кустах, их головы и плечи замелькали за камнями. Все начали стягиваться к

морю у подножья скалы. Солнце уже опускалось за седловину горы, а барс не показывался. Терпеливо ждали кравчие, зная повадки хищного зверя. Не сводили глаз с норы. И вот по ту сторону ущелья заблестели два зеленых огонька. Из кустов показалась пятнистая морда. Огромная дикая кошка, изогнув шею, все ближе и ближе подползала к храпевшей лошади, привязанной для приманки. Ягмур слился с холодным камнем, сжимая в руке острый меч и наблюдая, как за кустом показалась чалма, украшенная рубинами. Султан натянул тетиву и пустил стрелу. Раненый хищник свирепо бросился на лошадь... Но что это? Только тут Ягмур увидел, что вместо вьючной лошади к дереву привязан... его конь. Гнев, горе, обида сдавили сердце юноши. Барс хищно терзал спину боевого коня, отбивавшегося копытами.

В кустах снова мелькнула чалма и вторая стрела вонзилась в пятнистое тело. Зверь прыгнул со спины коня, зарычал на все ущелье и бросился в сторону султана. Длинный меч и острое копье были приготовлены для барса в кустах. Санджар не ждал кравчих, он поднялся навстречу разъяренному хищнику, твердо ставя ноги между камнями.

А боевой конь призывно ржал, натягивая привязь.

Кровь бросилась в лицо Ягмура. Короткими, ловкими движениями он бросил в ножны меч и, выхватив кинжал, в два прыжка очутился между султаном и барсом. Рядом сверкнули острые клыки и Ягмур принял первым удар. Зверь сбил с ног юношу и отбросил его к валуну. Еще мгновение, и клыки вопьются в горло. На помощь бросился султан, применив старую хитрость, – бросив в барса чалму. Зверь вздрогнул, отвлекся и тут же получил в грудь копье. Взревев, барс уперся лапами в грудь султана, но не та уж сила таилась в звериных лапах. Копье и стрелы обескровили тело барса. И только клыкастая пасть еще металась из стороны в сторону, скользила по груди, закованной в железо. Это был страшный поединок. Пот струился по лбу Санджара, схватившего барса за морду, за уши и силившегося сбросить зверя с обрыва.

— Эх-ха! — вдруг изо всех сил крикнул Санджар и, напрягая последние силы, толкнул пятнистое тело в ущелье. Опершись о меч, он передохнул и подошел к молодому воину, на лице

которого виднелась кровь.

Ягмур глядел, но ничего не видел. А когда он пришел в себя, султан спросил:

– Как ты посмел?... Почему ты здесь? Место сторожевого пса на цепи! А ты!..

– О величайший! Я хотел своей грудью защищать твою.

– Прочь! – взревел султан. – Тот, кто хотел показать себя храбрее меня, – не может стать опорой в трудный час!

Ягмур поднялся, шатаясь.

– Величайший!..

– Презренный! Ты хотел вырвать победу из моих рук. Так пропади же и сам смертью собаки, как твой ювелир Айтак!.. Я все знаю. За смерть Айтака ты приехал мстить мне. Сначала я не верил хозяину караван-сарая, но аллах снова упрекнул меня за слабость. – Санджар взмахнул мечом.

Глаза Ягмура смотрели на султана все так же твердо и преданно. Меч султана повис в воздухе.

А у дерева бился и рвал привязь боевой конь, призывая на помощь.

– Не я в том виноват, что ваши слуги плохо выполняют порученное...

– Упрекать, щенок!..

– Величайший, я знаю, что было приказано привести вьючную лошадь, а барс разорвал спину моему боевому коню. Я хотел рассчитаться с хищником.

– Ты вышел с кинжалом, когда султан вооружен копьем и мечом.

– Черный платок мести набросил мне аллах на глаза. Смелость ответов юноши поразила султана. Рука опустила меч в ножны.

– Я расправился с барсом, посчитаюсь и со слугой!

«Нет, – подумал Ягмур, удивляясь собственной храбрости, – со слугой хозяина караван-сарая, которого я уже заметил среди поваров султана, с ним разделаюсь сам».

Санджар удалялся по тропе, навстречу музыке рожков и труб, извещавших о его победе. Джигит смотрел вслед и два противоречивых чувства боролись в нем: одно звало идти за тем, кого еще в обед он возносил выше всех на земле. А второе – повелевало быть настороже, возбуждало гнев. За что он хотел

убить меня? Разве я не порывался в опасную минуту прикрыть его своим телом? В груди Ягмура закипала ярость, и он долго смотрел вслед уходящему Санджару, освобождаясь от рабского чувства преданности.

Под скалой у дерева затихал вороной. Конь потянулся головой к плечу Ягмура, пошевелил бархатными губами, пытаясь подняться, и замер.

Огорченный потерей верного друга, джигит отстегнул седло, снял уздечку, взвалил все это на себя и стал спускаться к стойбищу охотников. Тяжело было с ношей ступать по горной тропе, но еще тяжелее было бороться с новым чувством, которое взбудоражило его до крайности. Он услышал от владыки о казни сборщика податей.

Тревожные мысли не давали покоя Ягмуру и у костра.

«За что он хотел меня убить?» – задавал себе один и тот же вопрос Ягмур.

На закате солнца он обошел все становище в поисках слуги хозяина караван-сарая, но не нашел. Повар, отвечающий за ханский плов, объяснил, что водоноса, которого ищет воин, отправили в пески собирать саксаул. Ягмур хотел пуститься за водоносом в степь, но в это время его остановил слуга султана. – Если ты кравчий Ягмур-огуз, привезший султану весть о заговоре в Самарканде, то иди к шатру султана, – проговорил прислужник султана – гулам.

Санджар сидел на пышном, бархатном ковре. Перед ним дымил кальян, заправленный новой порцией свежего табака.

Когда Ягмур вошел в шатер, султан хлопнул в ладоши, и сейчас же появился главный визирь.

– На охоте барс разодрал шкуру его коня. Повелеваю заменить дырявую конскую кожу шкурой барса, убитого рукой моей. Пусть огузы знают наши родственные предрасположения. Огуз – это лев, даже в возрасте львенка он лев! Пусть начальник личной охраны найдет достойное место славному джигиту среди моих орлов.

Начальник личной охраны не без зависти подал Ягмуру свиток шкуры, снятой с барса.

Ягмур низко поклонился и вышел. Не было и тени радости на его лице. Воин понял: чем ближе к хозяину, тем ближе к палке Новое

назначение радовало лишь тем, что чаще можно видеть Аджап, которая теперь находилась при гареме царского дворца.

– Так шкура коня стала шкурой барса, – закончил рассказ Ягмур.

– Ты вел себя достойно, – отозвался Джавалдур. – Но не становись на тропу Чепни, который в вольных огу-зах видит костер, головешками из которого можно отпугивать волка.

– Джавалдур, – вставил горячий степняк, – ты мудр! Но пусть хоть раз курица послушает яйцо... Скажи – почему вольные огузы, прадеды которых дышали просторами степей, должны как взнузданные кони носить на себе тех, кого сажает им на спину султан? Почему мы должны идти в поход на Самарканд и платить за славу султана налог крови? До каких пор наши стойбища будут отдавать своих воинов султану? Долго ли лучших баранов из наших отар будут пожирать царские лизоблюды? Смерть Кумачу! Пусть меч огузов восстановит былую справедливость. Смерть Кумачу!

– У бодливой коровы спина в рубцах, – негромким ворчанием сдерживал Чепни буйного Джавалдура.

– Не бойся Ягмура, мой старый учитель! Джигит еще молод; известно, что щенки рождаются слепыми... Но скоро и он залает. Разве ты не видишь, какими огненными становятся его глаза? Поход на Самарканд сделает их еще страшнее. И тогда Ягмур встанет в ряды доблестных огузов, борющихся за справедливость. Я не боюсь так загадывать...

– Чепни, мое стойбище всегда примет храброго богатыря: и в час радости, и в час горя! Скоро мы все будем вместе!..

– Не надо кричать, собаки Кумача насторожили уши, – предупредил Джавалдур.

– Трусливого даже чихание пугает. Но настанет время, и я расскажу этой блудливой бесплодной женщине... Кумачу о муках деторождения, клянусь честью!

– Остановись, – предостерег Джавалдур. – Вспомни данную клятву!

– Я спешу, джигиты. – Перебил их Ягмур. – Дорога ждет! Степняки поехали провожать молодого воина.

– Ягмур, помни! – кричал вдогонку Чепни. – Мое стойбище ждет тебя, храброго богатыря. Приходи и в час радости, и в час

горя! Скоро будем вместе. Слышишь?..

– Эх-ха! – гулко отозвалась дорога, покрываясь ровными всплесками густой пыли.

Продолжение следует >> Taryhy proza